

НЕ СУЙ СВОЙ НОС В ЧУЖОЙ ВОПРОС, ИЛИ «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

А.М.Архангельская

DON'T STICK YOUR NOSE IN OTHER PEOPLE'S BUSINESS, OR THE "SELF" AND THE "OTHERS" VITAL SPACE IN RUSSIAN PROVERBS

A.M.Arkhanhelskaya

Университет им. Ф.Палацкого в Оломоуце, Чехия, alla_arkhanhelska@yahoo.com

В статье исследуются аксиологическая, регулятивная и прескриптивная функции русских народных пословиц, представляющих тематическую сферу «Свое — чужое жизненное пространство». Работа выполнена на материале словаря «Пословицы русского народа» В.И.Даля.

Ключевые слова: пословица, функции, регулятивный потенциал

The paper deals with the axiological, regulatory and prescriptive functions of the Russian national proverbs, representing the thematic sphere «The "Self and the others vital space". Based on the material of the Dictionary of the Russian proverbs by V.I.Dahl.

Keywords: proverb, functions, regulatory potential

Пословицы принадлежат к антропоуниверсальным и наддиалектным языковым образованиям, представляющим коллективный опыт и моделирующим стереотипы поведения. На протяжении существования человечества пословицы как умозаключения, отражающие его многовековую мудрость, использовались с различными целями — эстетическими, воспитательными, поучительными, аргументативными, регулирующими. Говоря, вслед за Г.Л.Пермяковым, о функциях пословиц в языке и речи, Л.И.Шагиахметова замечает, что в каждой конкретной ситуации (а смысл пословиц в значительной степени ситуативен) пословицы выполняют, как правило, не одну, а несколько функций, однако в каждой ситуации какая-то из них становится доминирующей. Пословица всегда обладает мощной прагматикой — это средство влияния на адресата с перлокутивной целью — реакцией в ответ. Выполняя регулятивную функцию, пословицы аксиологически оценивают то, что коллективным сознанием определено как положительное или отрицательное. Регулятивная направленность пословиц призвана регулировать не только поведение, но и сознание тех, кому они предназначены. При этом пословицам в значительной степени свойственна и познавательно-поучительная функция, ведь все они обладают одним свойством — служить средством обучения каким-то общественно важным и нужным вещам. В отношении пословиц можно говорить и о прескриптивной — предписывающей функции. Эмоционально-экспрессивная функция становится актуальной там, где ситуация моделируется через образ, выражающий отношение человека к тому, о чем он говорит. В любом случае человек вступает в диалог с пословичной установкой, определяя ее смысл или как что-то «свое», или «чужое» [1].

С точки зрения современности действительно можно говорить о определенном снижении функционального веса (познавательно-поучительного предна-

значения) паремий, однако согласиться с мнением некоторых современных лингвистов о том, что пословицы уже не всегда воспринимаются как «золотые жизненные правила» и аккумулированная народная мудрость (Х. и А.Байер, Б.Г.Кашароков), трудно. Статья ставит своей целью изучить познавательно-поучительный и регулятивный потенциал паремий семантической сферы *Свое — чужое жизненное пространство*, засвидетельствованных в «Пословицах русского народа» В.И.Даля, и определить, остаются ли они актуальными «золотыми правилами» поведения и сегодня.

Пословицы анализируемой семантики (всего 45 единиц, засвидетельствованных в тематической группе «Свой» — «Чужой») представляют собой наставления и поучения, советы и предостережения, имеющие своей целью обличение и осуждение того, что не соответствует конвенциональной норме. При этом им свойственна определенная модификация компонентов *свой — чужой*, всегда эксплицитно содержащихся в семантике, но иногда имплицитных в форме пословицы. Синонимия пары *свой — чужой* и *правильный — неправильный* указана в ряду других в «Славянских древностях» [2]. Этот ряд продолжает пара *хороший — плохой*. Однако в пословицах данной семантической сферы такая антинимия подвергается существенным преобразованиям. «Чужое» не идентифицируется как неправильное, плохое и т.п., а «свое» — как правильное или хорошее, а определяется как «свое», неуместное в «чужом».

В изучаемых пословицах выделяем несколько семантических групп. Первая определяется как *Указчик Ерёма, указывай дома!* Практически все пословицы здесь имеют образную основу. Исключение составляет выражение *Не суйся, Олёна, где не спрашивают!*, но и здесь личное имя употреблено в обобщенно-коннотативном значении. Остальные паремии, основываясь на эксплицитном или имплицитном противопоставлении своего и чужого в вербальном во-

площени, образно или иносказательно реализуют мотивационные модели • **не делай не свою работу** (*Не путайся в чужое лыко; Свои волосы как хошь ерошь, а мои не ворошь; Считай (паси) всяк пастырь свое стадо; Голоси всяк по своему покойнику; Не шевель чужой щавель, а свой набери, да как хочешь шевели и др.*); • **не входи в несвойственное тебе пространство** (*На чужом огороде капусту садить; Зашел в чужую клеть молебен петь; Мети перед своими воротами; Гостья Федосья! Сиди на печи да жуи клачи! Держись вошь своего тулупа*); • **не советуй там, где не спрашивают** (*Ты бай на свой пай, а я раскину на свою половину; Кому до чего, куме до всего; Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош*); • **не касайся того, что тебя не должно волновать, тревожить** (*Тетушка Мосевна до всего милосердна, а дома не евши сидят! Ковыряйся всяк в своем свище (носу)! Что кому за дело до чужого деда (тела)! Не твоя печаль чужих детей качать; Не твоя печаль, кому чужих детей качать*).

Вторую группу **Как про кого говорят — себя не помнят** составляют пословицы, в которых четко прослеживается образный мотив • **имея свою работу, не делай чужую** (*Чем чужое одонье утапывать, свое бы хоть как-нибудь уложил; Чужую крышу кроет, а своя течет; Чужую пашню пашет, а свою — в залежи*); • **имея свои проблемы, не решай чужие** (*Чужая печаль с ума свела, а по своей тужить некому; Зачем в люди печаль, если дома плачут; Ахал бы, дядя, на себя глядя*).

В группе паремий, семантика которых объединена в пословице **Погляди-ко сам на себя!**, имеем: *Людей хулит, а сам лыком шит; Людей лечит, а сам из болятков нейдет; Других не суди — на себя погляди! Обдери сперва с себя репьи! Гляди, налет, на свой полет! Оглянись, коза, на свои рога! Сам в грязи лежит, а кричит: не брызгай!* Здесь представлены в преобладающем большинстве образные единицы, реализующие модель «не суди кого-то, поскольку ты сам еще хуже (твоя ситуация еще хуже)».

Последнюю группу представляют выражения, объединяемые ироничным смыслом пословицы **Не наше дело делать дело, а наше — пересудачить** (судачить — «пересудать, осуждать, толковать оуждая, сплетничать») [3]. Любопытно, что здесь представлены пословицы, противоположные по смыслу главному выражению, обличающие и осуждающие человека, занимающегося сплетнями, пересудами и под. Предписывается **не перемывать костей ближнему** (*Не наше дело попа каять: на то есть другой поп*); **не сплетничать** (*Чужую рожь веять — глаза порошить; Нет тебе дела, Федосья, обирать чужие колосья*), **не возводить напраслину на кого-либо** (*Чужую траву косить, а своя в ветоши*), **не порочить людей** (*На чужой двор вилами не указывай*).

Семантика «свое», указывающая на жизненное пространство, где хозяином положения дел является адресант, и «чужое», где в такой роли выступает адресант совета, или «указывающий», в паремиях реализуется или эксплицитно, через противопоставления *свое — мое, чужое — свое, сам (себя) — другие* или имплицитно — через атрибут *чужой, другие*, который

всегда предполагает второй компонент оппозиции *свой и сам*. Образными доминантами-мотиваторами в прототипной ситуации, организующей пространство «своего» и «чужого», выступают элементы крестьянского быта, элементы ремесел (*лыко*), наименования сельскохозяйственной сферы (*одонье* — «круглая кладь хлеба в снопах», *пашня, залежи* (ср.: *залежь* «оставленная без обработки пахотная земля»), фрагменты одежды (*тулуп*), наименования земельных наделов (*пай, пашня, залежь* «необработанная земля, не дающая урожая»), фрагменты жилья, подворья (*печь, ворота, крыша*), наименования традиционных яств (*калачи*), наименования растений, в том числе и сельскохозяйственных (*щавель, капуста, рожь, трава*) и т.п.; фрагменты конфессионной сферы (с их ассоциативными связями *пастырь — стадо, молебен — клеть, поп — каять* (*каять* «порицать или осуждать, корить и увещевать; заставлять каяться») [4], термины родства, выступающие в обобщенно-образном значении (*кума, дед, дети, жена*). Достаточно частотными выступают и наименования ментальной сферы (*печаль, плач*). Особая роль принадлежит звукоподражанию *ахать*, которое непосредственно связано с выражением отрицательных эмоций. Во всех случаях мотиваторы, расширяющие часть пословицы и предвосхищающие худое «свое» при вмешательстве человека в «чужое», маркированы отрицательным результатом, нежелательными последствиями, негативными эмоциональными состояниями (*как-нибудь уложить, течет, порошит, тужить, плачут* и под.).

Особое место в вербализации данного семантического пространства занимают имена собственные (*Ерёма, Олёна, Федосья*) и отчество *Мосевна*, которые часто избирательны и рифмически вписываются в структуру пословицы (*Ерёма — дома, Федосья — колосья*). Такие имена собственные могут квалифицироваться как обобщенно-коннотативные, представляющие промежуточное состояние имени собственного, когда оно еще продолжает быть самим собой и в то же время делает шаг в сторону апеллиатива, т.е. становится своеобразной онимической метафорой, некой двуплановой единицей, где одним планом является единичное, индивидуальное, а другим — общее, обобщенное.

Таким образом, в первой группе пословиц происходит условное отмежевание «чужого» от «своего» (сферы деятельности, пространства, эмоций) по линии «чужое — не «свое», и даже не «свое чужое», как представляет себе это тот, кто лезет не в свое дело; во второй и третьей группе «чужое» сближается со «своим» по признаку «свое» так же плохо, как и «чужое», если не хуже»; в четвертой обнаруживаем оба названные признаки такого сближения. При этом «свое» в любом случае оказывается на аксиологической шкале еще ближе к минусу, чем «чужое».

Анализ пословиц семантической сферы *Свое — чужое жизненное пространство* свидетельствует о том, что вторжение человека в чужое жизненное пространство со своими советами, осуждениями, пересудами, сплетнями и т.п. подлежит резкому осуждению и неприятию со стороны лингво-

культурного сообщества. Образы, ассоциации, символы, участвующие в вербализации пословичного смысла, сориентированы на выполнение пословицей познавательной-поучительной, регулирующей и образно-экспрессивной функции с преобладанием одной из них в конкретной ситуации употребления той или иной пословицы. Безусловно, что в анализируемых пословицах встречаем и слова, незнакомые современному носителю языка, но смысл пословицы при этом остается понятен. Эти «золотые правила» поведения человека в обществе актуальны и сегодня.

1. Шагиахметова Л.И. Функции паремнологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10. С. 156-157.
2. «Свой — чужой». Из материалов к словарю «Славянские древности» // Славяноведение. 2003. № 6. С. 71.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т.4 С. 355.
4. Даль В.И. Там же. Т. 2. С. 101-102.

References

1. Shagiahmetova L.I. Funkcii paremiologicheskikh edinic [The functions of paremiological units]. Vestnik of Chelyabinsk state university, 2009, no.10, pp.156-157.
2. "The SELF — the OTHERS". Materials to the dictionary "Slavic Antiquities". Slavianovedenie, 2003, no. 6, p. 71.
3. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. Moscow, GIS Publ., 1955, vol. 4, P.335.
4. Dahl V.I. Ibid, Vol. 2, pp.101-102.